

Елена ЗЕЙФЕРТ

РЫБЫ ПОД ВОДОЙ РАЗГОВАРИВАЮТ ДРУГ С ДРУГОМ

Анаит Григорян. Осьминог. – М.: Inspiria, 2021. – 318 с.

На суперобложке романа Анаит Григорян «Осьминог» написано «Японский бог» (рифмованная шутка, наводка на японскую тему) и «Ужас Лавкрафта в обёртке Харуки Мураками». Перед нами разновидность «японского романа» в новейшей русской прозе в стилистике Мураками? Здесь и ужас Лавкрафта с его психологическим страхом неизведанного? Что ж, японский хоррор пронзает до мозга костей, вздымая бессознательное (вспомним хотя бы знаменитый фильм «Звонок»), но таков ли «Осьминог»?

Сама Анаит признаётся, что Харуки Мураками ей очень близок, и близка стилистика его переводов Дмитрием Ковалениным, но ни её «Осьминог», ни другие тексты, по её мнению, на Мураками не похожи. Японская тема – да, она здесь главная. Но только тема не может создать жанровую разновидность романа. Сколько вопросов задала нам суперобложка! «Осьминог» – «японский роман» на поверхностном тематическом слое или содержит объём жанровых признаков «японского романа», пронизывающих его? Осмыслив произведение, отвечаю так: Анаит Григорян создаёт русский роман на японскую тему, показывая душевную неустроенность, неприкаянность центрального персонажа Александра. Но её русский роман на японскую тему – новое слово в нашей литературе.

С лавкрафтовскими ужасами «Осьминог», конечно, роднит беспомощность героя перед древним злом, постепенное нарастание страха (у Григорян довольно лёгкого, не утробного), хрупкость человека перед мистическими обстоятельствами, вопросы, оставленные без ответов, обитание человека среди других разумных существ (здесь это сверхъестественные они, кицунэ, тануки, а также рыбы и другие обитатели дна, в первую очередь осьминог; муж Мацуи-сан, возможно, видел и слышал, как рыбы разговаривают под водой, и многие другие персонажи верят в силу сверхъестественных японских персонажей). Однако перед нами не инвариант лавкрафтовского ужаса: я бы назвала это сходство не генетическим (появившимся в результате стилизации под произведения Лавкрафта и рождённый им жанр), а скорее типологическим, и всё же не явным. Особая манера повествования Григорян, неторопливая, уютная, комфортная, разрушит любой ужас.

Часы, которых боится ребёнок, способны притаиться, чтобы считать минуты, приближающие расставание, марионетки, у которых рожи как у проходимцев, – не только морская стихия вызывает здесь ощущение некоторого ужаса, но не пронзительного, не сильного. «Осьминог» довольно быстро проявляет себя как любовный роман. Как настойчиво Анаит Григорян ввинчивает любовную интригу в своём русском «японском романе»: вот Александр задерживается в ресторане, любясь Томоко, спутницей Акио – чувствует себя пойманным с поличным, когда Кисё спрашивает его о Томоко – говорит о девушке с хозяйкой своей съёмной квартиры Изуми – хочет ударить повара, когда тот называет Томоко «рыбой снулой» – ударив другого (Кисё), встречает Томоко, и та приглашает их к себе в дом, чтобы оказать Кисё первую помощь – узнав об этом, с Томоко ссорится, ревнуя, её парень Акио – несостоявшаяся прогулка Александра и полюбившейся ему девушки – прогулка продрогшего Александра с продрогшей Томоко по побережью – Акио разбирается с Александром... Не буду раскрывать все карты любовной интриги, чтобы не создать спойлер романа для заинтригованного читателя. Психопатический Александр, который имеет интимную связь с хозяйкой своей съёмной квартиры, создан Григорян тем не менее обаятельным, глубоким, умеющим любить, за ним интересно наблюдать читательским взглядом, он центр сюжета. Порой он мелочный, иногда несправедливый, но неизменно привлекательный и интересный.

Детализация (я бы сказала, хотя автор, очевидно, со мной поспорит, томасоманновская, и Томас Манн – один из наиболее значимых для Григорян авторов), степенность повествования, серьёзность оптики, подхода к созданию персонажа, вещи позволяют читателю медленно обживать в романе, духовно присваивать его художественное пространство постепенно, смакуя, с любовью. Я полюбила роман Анаит с первой страницы: цвет, контур, текстура, звук, запах, вкус изображаемых предметов были настолько реальны, что, находясь в московском кафе за чашкой чая, я ощущала, как всё вокруг пропахло морем.

Япония у Григорян синонимична влаге, морю, его дарам. «Во влажную погоду море всегда пахло сильней», «с моря тянуло йодистым запахом водорослей», «от Кими пахло морем»... Рыба живёт в воде всю жизнь, и не стоит человеку сетовать на дождь. Море в романе везде, даже на стенах жилища картины со сценами из рыбацкой жизни. Морская стихия проникает и в метафорику Григорян: красивый шрам у Кисё «похож на рыболовный крючок», заболев, Александр «провалился в забытие, как в тяжёлую морскую воду».

Люди здесь подобны сверхъестественным существам («её лицо походило теперь на разгневанную маску мстительного духа»), а мифологические существа – людям (тануки пьёт водку и бросает мужа с детьми). Японская тематика в романе Григорян быстро преодолевает поверхностный уровень, пронизывая художественное пространство и время, повествование, захватывая метафорику. Второе название романа на японском (не на обложке), эпиграф на японском (без пояснений, хотя в дальнейшем подстрочные примечания с переводом и авторскими комментариями создают особую рамку, переключку японского и русского, обнимающую текст романа) сразу удивляют, но словно приучают взгляд читателя к новизне, японскому колориту.

Писательница с первых страниц даёт целый поток информации об японской культуре, старательно объясняя русскому читателю все тонкости: Кисё говорит, что его имя пишется катаканой (одной из двух, наряду с хираганой, графических форм японской слоговой азбуки), владельцы ресторана даже в меню гордятся местом – «“креветка-повозка” водится только в префектуре Айти». Сама Григорян в японской теме человек посвящённый, она в своё время подружилась с японским профессором, исследователем русской классической литературы, выучила японский язык, и теперь общается со многими японскими литераторами, ведёт в твиттере блог на японском языке про Россию и японскую литературу в русской рецепции, занимается переводами японских авторов. В «Осьминоге» она охотно, с наслаждением делится этим знанием об Японии: сообщает, что и в каком виде едят японцы (на языке читателя то и дело хочет появиться, но остаётся незнакомым вкус хрустящих сладостей или даров моря: «к представлениям японцев о сочетаниях вкусов европейцу было привыкнуть не проще, чем к перехватывающему дыхание рыбному запаху»). Есть ли в романе противопоставление японского западному? Да, и японское для повествователя в приоритете (японская жена – лучшая в мире, но испортилась под западным влиянием и др.).

Нарратор, по задумке Анаит, знает меньше, чем персонаж, живущий по законам самодвижения как феномен. В подстрочном примечании находим: «но Александр, очевидно, думает...». Повествователь точно не знает, что на самом деле думает Александр. Автор, читатель, персонаж в романе отдельные категории, у каждого своя самость, Александр не менее живой и независимо думающий, чем читатель.

Тёплое латте в бутылках с крышечками в уличных автоматах («Что с ними было бы в России?» – с ухмылкой задаётся вопросом Александр), меню в «Тако», консайский диалект и его наиболее характерный вариант – осакский диалект, значения некоторых иероглифов, японская фамилия на первом месте, затем пишется имя – мы постепенно складываем цельный образ своей, собранной, как пазл, Японии. Читатель узнаёт, что в упомянутой Осаке есть большой океанариум и ноги устают от переходов через дороги, идущих вверх, какая рыба водится у побережья, в каких университетах в Японии

престижно учиться. И эти блюда, японские блюда – какие они сочные, колоритные! Вещь, деталь, подробность вводятся в роман неспроста – через них мы узнаём черты характера героев: Фурукава гневлив, но порядочен, Александр мелочен и вспыльчив, но глубок, Акио зловреден, но честен, Томоко добра, трепетна.

Остров Химакадзима (реальный топоним), по словам нарратора, «популярное направление внутреннего туризма, но многие японцы до сих пор не подозревают о его существовании», – в романе затерянное антиутопическое местечко. Здесь внезапно гибнут люди, и причина их гибели – нередко море. Людской страх перед морем велик. Внутри топоса Химакадзима есть локус Тако (в переводе с японского «Осьминог»), ресторан, в котором происходят все сюжетообразующие встречи в романе и работает официантом Кисё. Для меня фантазёр Кисё (мужчины, с его слов, могут жениться на лисице из зоопарка, на тануки, его двоюродный брат – лис, один мужчина перепутал жену с разделочной доской и бил её, сломав руку, про едва ли не каждого островитянина, живого или погибшего, у Кисё есть своя причудливая история) – скорее писатель, скорее второй нарратор в романе, чем просто официант. Он в своих разрозненных новеллах ведёт собственную, мистическую, становящуюся всё более невероятной глубинную линию. Он второй нарратор, своеобразный рассказчик. Линии основного повествователя и Кисё встречаются в финале. «Разве какая-нибудь необычная история не лучший способ справиться с этой неизбежностью?» – задаётся правомерным вопросом Кисё. Именно он задаёт магистральную сюжетную линию романа: «Если подумать, то вся Япония – это сплошные острова. Куда бы человек ни поехал, ему никак не уйти от тайфуна».

Осьминог у Анаит – один из мудрейших жителей Японии, он важнейший представитель как реального (Григорян сообщает, что это моллюск, что он растёт всю жизнь), так и мифологического миров. Выкуп и спасение огромного осьминога, глядящий на Александра осьминог, обитающий в «Тако», деревянный осьминог в музее, которого выносят на народное праздничное шествие, мифы и легенды об осьминогах – по сути, лейтмотив осьминога здесь становится парадигмой, пронизывающей весь роман.

Отрадно, что в России есть крепкий, талантливый прозаик, романист с японской оптикой, знаток и ревностный ценитель Японии. Это позволило родиться новому яркому эксперименту в новейшей русской прозе – русскому роману на японскую тему.